

*Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 86–94.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 2 (71). P. 86–94.*

Научная статья
УДК 929.65
doi: 10.54398/1818510X_2022_2_86

**СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ
(НА ПРИМЕРЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

Русия Натэлла Тенгизовна

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Natarus2412@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5852-3574>

Аннотация. Статья посвящена особенностям формирования и структуры символических нематериальных ресурсов на локальном уровне. Объектом исследования стали восемь сельских территорий четырёх муниципальных образований Краснодарского края. Символическая политика как компонент политики идентичности является мощным институциональным ресурсом местных властей, который можно использовать для консолидации жителей сельских территорий, их вовлечение в проектную деятельность, мобилизацию для решения социально-политических задач. Цель исследования – определение ресурсного потенциала символической политики в структуре политики идентичности локальных территорий Краснодарского края. Проблемное поле данной работы определяется динамикой, характерной для политики идентичности изучаемого региона – Краснодарского края, в муниципальных образованиях которого демонстрируется разная активность основных политических акторов, формирующих политику идентичности на локальном уровне. В статье описана критериальная матрица классификации символической политики, включающей доминантный маркер символической политики, темпоральную ориентацию местных жителей и субъектную вовлечённость по категориям жителей, а также описаны функции символической политики сельских территорий. Данная модель позволяет сформировать комплексное представление об основных акторах и институциональных механизмах конструирования символической политики в условиях неоднородности региона на локальном уровне.

Ключевые слова: идентичность, локальная идентичность, политика идентичности, символическая политика, сельские территории, маркеры символической политики, развитие локальных территорий, нематериальные ресурсы развития территорий, классификация символической политики, субъект политики идентичности

Для цитирования: Русия Н. Т. Символические ресурсы политики идентичности на локальном уровне (на примере сельских территорий Краснодарского края) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 86–94. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_86.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**SYMBOLIC RESOURCES OF IDENTITY POLICY AT THE LOCAL LEVEL
(ON THE EXAMPLE OF RURAL TERRITORIES OF THE KRASNODAR REGION)**

Natella T. Rusiya

Kuban State University, Krasnodar, Russia
Natarus2412@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5852-3574>

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the formation and structure of symbolic non-material resources at the local level. The object of the study was eight rural areas of four municipalities of the Krasnodar Territory. Symbolic politics as a component of identity politics is a powerful institutional resource of local authorities. It can be used to consolidate the inhabitants of rural areas, their involvement in project activities, mobilization to solve socio-political problems. The purpose of this study is to determine the resource potential of symbolic politics in the structure of the identity policy of local territories in the Krasnodar Territory. The problematic field of this work is determined by the dynamics characteristic of the identity policy of the region under study – the Krasnodar Territory. In the municipalities of this region, different activities of the main political actors shaping the identity policy at the local level are demonstrated. The article describes the criterion matrix for the classification of symbolic politics, which includes the dominant marker of symbolic politics, the temporal orientation of local residents and the subjective involvement by categories of residents, and also describes the functions of the symbolic policy of rural areas. This model forms a comprehensive understanding of the main actors and institutional mechanisms for constructing symbolic politics in the context of the heterogeneity of the region at the local level.

Keywords: identity, local identity, identity politics, symbolic politics, rural territories, markers of symbolic politics, development of local territories, non-material resources for the development of territories, classification of symbolic politics, identity politics subject

For citation: Rusiya, N. T. Symbolic resources of identity policy at the local level (on the example of rural territories of the Krasnodar region). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 2 (71), pp. 86–94. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_86.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Идентичность выступает объектом воздействия и взаимодействия государства и различных групп интересов с целью формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (территориального, национального и других) сообщества и поддержания чувства личной принадлежности членов данного сообщества к нему. Необходимость изучения политики идентичности на локальном уровне актуализирована особенной ролью идентичности в практике конструирования территориальной уникальности в качестве инструмента, усиливающего потенциал коллективного действия. Процессы локальной идентификации и политики местных властей взаимообусловлены. Локальная идентичность динамична и зависит от социально-политических условий, культурной общности, характера коммуникации и других факторов, свойственных конкретной территории. Наличие у членов местного сообщества выраженной локальной идентичности становится важным критерием оценки развития территории. Заинтересованные в подобном развитии субъекты политики идентичности, прежде всего органы местного самоуправления, зачастую становятся главными акторами в процессе формирования локальной идентичности местных сообществ. В качестве направления публичной политики, реализуемой местными властями, политика идентичности может рассматриваться в ракурсе символической политики. Цель исследования – определение ресурсного потенциала символической политики в структуре политики идентичности локальных территорий Краснодарского края. Проблемное поле настоящего исследования определяется динамикой, характерной для политики идентичности изучаемого региона – Краснодарского края, в муниципальных образованиях которого демонстрируется разная активность основных политических акторов, формирующих политику идентичности на локальном уровне.

Основная часть

Теоретические основания, методология и методика исследования

Комплексность и многомерность анализируемых задач в исследовании символической политики и использованием её ресурсов в управленческой практике местными властями предполагает использование междисциплинарного подхода, сочетающего аналитические инструменты социального конструктивизма [27], теоретической традиции символического интеракционизма [28–30]), теории идентичности [31–33].

Структура политики идентичности, на которую опирается данное исследование, описано в работах И. С. Семененко [24]. На материалах конкретных территорий идентичность в локальном и региональном измерении рассматривали М. В. Назукина [15], П. В. Панов [18], Н. В. Дранникова [5], Н. К. Радина [21], В. Гельман [3]. Потенциал политики идентичности и её существенные характеристики в Краснодарском крае исследовали Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко, И. С. Семененко [13], Е. В. Улько, И. В. Самаркина, И. С. Башмаков [23], С. А. Миронцева, О. А. Бориско [11].

В статье используются материалы по проблемам конструирования политики идентичности на разных уровнях и роли символической политики в осуществлении данных процессов, таких учёных как И. С. Семененко [25], Е. В. Морозова [14], И. В. Мирошниченко [13], Р. В. Евстифеев [6], Л. В. Сагитова [22].

Политические механизмы в поле символической политики описываются в работах О. Ю. Малиновой [9]. Категория символической политики использована в интерпретации С. П. Поцелуева: «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [20].

Изучение идентификационных процессов выполняется преимущественно в конструктивистской парадигме, в которой предполагается исследование идентичности как конструкта, создаваемого на протяжении всей жизни индивида. Конструктивистский подход предлагает объяснительные модели того, каким образом и по каким принципам личность принимает определённые способы идентификации. Практически все виды идентичности формируются на этапе осознания индивидом своей принадлежности к тем или иным сообществам. Это относится к территориально-поселенческой, этнической, региональной, гендерной идентичности, которые возникают в процессе осознания индивидом своей принадлежности к «малой родине». В рамках идентитарного подхода политика идентичности рассматривается как комплекс мер, реализуемых различными акторами с целью формирования чувства сопричастности граждан к местному сообществу и чувства ответственности за состояние дел в нём. Основными структурными элементами политики идентичности на локальном уровне выступают символическая политика, политика памяти и брендинг территории.

На уровне муниципального образования можно выделить ряд групп нематериальных ресурсов, которые играют важную роль в выработке и реализации символической политики на локальном уровне. Наряду с сетевыми ресурсами (социальный капитал местных сообществ, плотность межличностных и институциональных связей, уровни межличностного и институционального доверия), организационно-управленческими ресурсами лидерство, институты местного самоуправления и самоорганизации граждан, кадровый потенциал местных сообществ, акторы политики развития и их управленческие практики), информационно-коммуникативными ресурсами (наличие и степень развития печатных, электронных и сетевых СМИ, интерактивных интерфейсов для взаимодействия членов локального сообщества

и субъектов политики развития территорий) к числу нематериальных ресурсов относятся символические ресурсы [12].

В исследовании, проведенном научным коллективом проекта, были использованы методы фокус-групповой дискуссии и экспертного опроса. Фокус-группы позволили определить маркеры символической политики и основные виды локальных идентичностей в отобранных муниципальных образованиях. Всего в сельских поселениях было проведено 8 фокус-групповых интервью. Выбор четырех муниципальных образований Краснодарского края (Темрюкский район, Апшеронский район, Тимашевский район, Крыловский район) для полевого исследования был обусловлен необходимостью охвата широкой географии региона и учёта особенностей различных климатических и географических зон.

Символическая политика в структуре политики идентичности на локальном уровне

Оформление локальной идентичности как категории политической науки связано с процессами территориально-пространственной дифференциации политического пространства. Локальная идентичность в современных реалиях понимается как ресурс развития места – города или сельского поселения. В качестве объекта научного анализа данная категория отличается комплексностью и разнообразием интерпретаций и смыслов. В настоящий момент формирование локальной идентичности является неотъемлемой частью политики местных властей, которые видят итогом данных процессов повышение качества жизни, и рост самосознания жителей.

Анализируя особенности локальной идентификации студентов, Л. В. Овчинникова приходит к выводу, что локальная идентичность доминирует среди таких социальных идентичностей, как гражданская, региональная, национальная, европейская, космополитическая и советская. Высоким уровнем локальной идентификации выделяются жители села и жители столицы, именно эти две группы наиболее остро сталкиваются с ощущением «своих» повседневных жизненных практик по сравнению с «чужими» [17].

Процессы внешней и внутренней идентификации четко дифференцируются: внешняя идентификация территории связана с распознаванием и атрибутированием идентичности извне (в более широком социальном пространстве), внутренняя идентификация – самостоятельное рефлексивное обозначение и присвоением субъектом (жителями региона) собственных социальных свойств и особенностей региона (исторических, политических, экономических, культурных и т. д.) [7].

На локальном уровне основными акторами развития территорий выступают представители исполнительных и законодательных органов власти, малого, среднего и крупного бизнеса, общественных организаций, гражданские активисты, СМИ. Они активны, иницируют и продвигают собственные проекты развития, но при этом осознают все риски и препятствия, такие как неопределённость развития, углубляющиеся неравенство и несправедливость в обществе и т. д. [2].

Отметим, что локальная идентичность определяется как низкой пространственно-территориальный уровень. Локальная идентификация может происходить с городом, селом, районом города и каждый тип имеет свои особенности, формы актуализации и структурные модели. Так, например, при исследовании г. Сокола было установлено, что городское сообщество в нём характеризуется высоким уровнем укоренённости населения и положительным образом города в сознании горожан. Особенностью моногорода является двойственность отношения жителей к основному предприятию города: с одной стороны, существует ретроспективная, ностальгическая ориентация на возвращение бывшего успеха и мощности предприятия, с другой – запрос на диверсификацию производства и уход от монопрофильности [16].

Для жителей на локальном уровне, в частности в малых городах, существенными факторами, влияющими на развитие территорий являются: географическое положение (наличие водоёмов, климатические условия, плодородная почва, удалённость от федерального и областного центра, развитость дорожной инфраструктуры), социальные факторы (состояние здравоохранения и медицинских услуг, образовательных услуг, ситуация с социально незащищёнными слоями населения), состояние городской среды (чистота города, комфортность благоустройства), состояние предпринимательства (формат взаимодействия местной власти и предпринимателей, соотношение малого, среднего и крупного бизнеса, распространённость федеральных сетей), занятость населения (уровень заработных плат, наличие квалифицированных специалистов и молодых кадров). Эксперты и жители локальных территорий солидаризируются в мнении, что малые города должны иметь бренд. При этом каждую территорию можно условно отнести к профилю по совокупности доминантных условий развития, например культурно-исторический (уникальное культурно-просветительское учреждение, памятник, персона, мероприятие или явление) или промышленный (ассоциация с производственно-промышленной специализацией) [19].

Процессы локальной идентификации и политики местных властей взаимообусловлены. Так, исследуя муниципальные образования Забайкальского края, Т. Н. Гордеева установила корреляционную зависимость между показателем желаний, чтобы на малой родине жили потомки, и оценкой деятельности местных властей, а также между оценкой деятельности местных властей и оценкой перспектив развития поселения. Респонденты, которые положительно оценивают деятельность местных властей, хотят, чтобы их дети и внуки проживали на данной территории [4].

Символическая политика как способ интерпретации социальной реальности осуществляется в публичной сфере, в которой происходит общественная дискуссия относительно социально значимых проблем, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные

идентичности. Институциональные параметры публичной сферы оказывают значимое влияние на символические стратегии и возможности акторов. Как отмечает О. Ю. Малинова, исследование символической политики связано с исследованием среды, в которой «производятся, распространяются и конкурируют разные способы интерпретации социальной реальности, а также особенностей стратегий акторов, участвующих в данных процессах» [10].

Позитивная либо негативная направленность ценностного, эмоционального и когнитивного компонентов в структуре идентичности на локальном уровне проявляется в символической политике. Идентификация с локальным сообществом облегчает личности процесс определения своего места в социальном и политическом пространстве, что особенно актуализируется в то время, когда человек отдален от собственной территории. Продвижение символов локальной местности обеспечивает консолидацию местного сообщества, повышает эскалацию мобилизации гражданского общества и уровень конкурентоспособности места.

Актуальность темы развития локальных территорий на практическом уровне подтверждается рядом проектов, целью которых является привлечение внимания к ресурсам развития малых городов и сельских поселений, а также их капитализация. Так, на VIII Санкт-Петербургском международном культурном форуме в секции «Креативная среда и урбанистика» выступления и дискуссии были посвящены стратегиям развития регионов, опирающихся прежде всего на локальную идентичность. Обсуждались успешные кейсы работы с идентичностью, в частности с символической политикой. Позитивным примером является г. Свяжжск, который за десять лет стремительно повысил рост туристического потока. С 2010 г. Свяжжск попал под патронат фонда «Возрождение», в городе была построена дамба, речной вокзал и вся необходимая туристическая инфраструктура, началась реставрация исторических и культурных памятников, а в 2017 г. ансамбль Успенского монастыря вошёл в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Также рассматривался опыт конверсии советских ДК с целью развития социокультурной жизни самих горожан. В г. Железноводске за полгода был отреставрирован дом культуры. Архитекторы с максимальной деликатностью подошли к аутентичной фактуре и воссоздали исходный образ объекта, который перезагрузил всю культурную жизнь небольшого города. Авторы проекта планируют распространять данный позитивный опыт на другие объекты локальных территорий [7].

Благотворительный фонд Владимира Потанина в рамках инициативы «Музей. Сила места», направленной на долгосрочную поддержку музея как драйвера социально-экономического развития, провёл экспертное исследование по изучению потенциала развития на основе культуры региональных столиц. Авторы исследования отмечают, что осмысленная работа продвижению культурных брендов городов – большая редкость, и культура не является доминантным экономическим драйвером. Однако появляются новые субъекты развития городской культуры – университеты, неформальные объединения, частные музеи, культурные деятели, экспертные НКО, которые формируют новую инфраструктуру развития, связанную с новыми образами жизни и запросами [26].

Можно определить следующие функции символической политики в сельских территориях:

- коммуникативная: символическая политика является важным инструментом обеспечения информационно-коммуникативного взаимодействия между властью и обществом;
- мобилизационная: средства символической политики, например организация массовых акций по уборке публичных пространств, становятся важными инструментами в процессе мобилизации населения;
- эстетическая: такие визуальные средства как скульптурные объекты, традиционные фестивали, выставки, перформансы не только формируют культурный образ территории, но также являются мощным средством привлечения туристов;
- идеологическая: используя значимые для жителей исторические, социально-экономические и культурные символы, муниципальная власть и средства массовой информации могут усиливать местный патриотизм, способствовать созданию общественно-политических групп;
- электоральная: на локальном уровне реализуются технологии по конструированию социально-политической действительности, которые осуществляют различные акторы, к ним относятся не только представители правящей партии и руководящей элиты, но и интеллектуальная творческая элита, независимые гражданские активисты и общественные организации.

К символическим измерениям политики идентичности относят: топонимику, городские культурные ландшафты, городские памятники, государственные ритуалы, символы (наглядно воспринимаемые гражданами в повседневной жизни). Перечисленные формы актуализации символической политики как символические системы и собственно политическое действие наделено идеологическим содержанием, способно производить и навязывать представления о социальном мире. В современных условиях всё большее внимание обращено на повышение роли нематериальных ресурсов в социально-экономическом развитии локальных территорий. В рамках данного исследования нас интересовал вопрос использования ресурса символической политики в развитии сельских территорий.

Символические ресурсы развития сельских территорий

На основе интерпретации результатов эмпирического исследования разработана система формализованных маркеров [13] и создана критериальная матрица классификации символической политики, включающей доминантный маркер символической политики, темпоральную ориентацию местных жителей, субъектную вовлечённость по категориям жителей (табл.).

Таблица – Критериальная матрица символической политики

Территория	Доминантный маркер символической политики	Темпоральная ориентация	Субъектная вовлечённость по категориям жителей
Октябрьская (Крыловский район)	Экономическая специализация, персонализированные символы	Перспективная	Культурно-просветительские сети; органы местного самоуправления; гражданские активисты
Кугоейская (Крыловский район)	Природно-ландшафтные ресурсы и экология	Ретроспективная	Органы местного самоуправления; культурно-просветительские сети
Курильская (Апшеронский район)	Места паломничества	Ретроспективная	Предпринимательство; культурно-просветительские сети; органы местного самоуправления; патриотические сообщества
Кубанская (Апшеронский район)	Персонализированные символы; ритуалы	Перспективная	Органы местного самоуправления; культурно-просветительские сети
Медведовская (Тимашевский район)	Объекты социальной инфраструктуры	Ретроспективная	Фермерско-предпринимательские хозяйства; общественный совет; органы местного самоуправления; культурно-просветительские сети
Беднягин (Кубанец) (Тимашевский район)	Публичные пространства; персонализированные символы	Гибридная	Фермерско-предпринимательские хозяйства; органы местного самоуправления; культурно-просветительские сети
Голубицкая (Темрюкский район)	Природно-ландшафтные ресурсы и экология; экономическая специализация	Перспективная	Бизнес-структуры; органы местного самоуправления; казачество
Курчанская (Темрюкский район)	Природно-ландшафтные ресурсы и экология	Ретроспективная	Органы местного самоуправления

Продemonстрируем некоторые официальные и неофициальные символы, описанные в ходе полевого исследования участниками фокус-групповых дискуссий и экспертных интервью.

Важной частью символической политики на местах являются праздники и ритуалы. Как отмечает П. Бурдые, праздничные практики заключают в себе как потенциал перемен, так и ресурсы для сохранения исторически сложившихся образцов поведения, традиций и правил, благодаря «системе устойчивых и переносимых диспозиций, структурированных структур» [1]. Помимо общегосударственных и национальных праздников, респонденты во всех сельских поселениях отмечали день станицы или хутора как значимое событие – описание дня станицы в ст. Кубанской: *«На день станицы у нас собираются всегда, массовое такое практически целый день. Начинается всё это утром со спортивных соревнований, потому что очень много молодёжи, детей спортом занимаются. У нас получается церковь и два поля рядом возле стадиона, поэтому всё проходит опять-таки здесь, рядом. Рядом парковая зона. Поэтому начинается всё со спортивных соревнований, плавно перетекает это всё на площадки, там игровые программы. Приглашаем батуты там, торговля и всё остальное. Обязательно концертная программа большая. Приглашаем коллективы. Вечером это фейерверк.*

Те, кто побывал у нас, приезжают и приезжают. Кто знает, что в ст. Кубанской проводится день станицы, со всего района люди стекаются сюда».

Предметом гордости жителей являются тематические фестивали и иные локальные праздники: *«Обязательно проходят в станице уже в течение лет семи – восьми фестиваль национальных культур... Во время фестиваля каждая нация представляет свои блюда и проходит дегустация, в последнее время стали проводить дополнительно ещё конкурсы того же сала».*

Нами были отмечены персонализированные символы в качестве доминантных маркеров символической политики в станице Кубанской, так как жители концентрировали внимание на референтных для них современниках, которые внесли значительный вклад в развитие территории: *«Ну вот наши старожилы – наша гордость. Иван Матвеевич – столько лет на посту, его знают везде;*

Тасия Николаевна, человек, который столько лет проработал в администрации. За любого человека у неё спросите – она ответит. Все знают;

Мы знаем, что Иван Матвеевич любит гранты. То есть все программы, которые происходят в крае, он знает их, наверное, назубок. И помощница, Александра Викторовна, с которой они всё время

работают. Они знают, что где проводится, как, куда можно вступить, чтобы улучшить жизнь Кубанского сельского поселения. И чтобы это сказали не только на уровне района, но и на уровне края».

Темпоральная ориентация станицы Кубанской была определена как перспективная, на что указывали такие факторы, как желание респондентов развивать малую родину, позитивное видение будущего территории, наличие конкретных проектов развития: *«Педагогические работники возвращаются. У меня почти вся местная молодёжь (работает);*

Кадровый голод не так ощущается, как может быть в других. У нас есть поселения по 300, по 500 человек, 800 и там сложно найти кадры;

Потому что станица лучшая. Развивается. Территория так хорошо стоит».

В качестве основных субъектов, которые формируют и транслируют символическую политику, могут выступать различные группы и индивидуальные акторы. Так, в хуторе Беднягина, наряду с традиционными для сельских поселений органами местного самоуправления и культурно-просветительской сетью, выделилась группа фермерско-предпринимательских хозяйств, которая отмечалась жителями в качестве акторов символической политики: *«Вот их у нас четыре основных фермера, то есть девятая мая, только за счёт фермерских спонсорских средств, ветераны труда, труженики тыла, узники – все эти категории, их у нас сегодня 16, по-моему, или 18 человек осталось. То есть к девятому мая это накрываем стол, это обязательно огонек, это подарок каждому плюс это варится солдатская каша, плюс какая-то амуниция, там баннеры, шары, что-то ещё – это всё на их плечах. Второй большой праздник – это день хутора, первая – вторая суббота августа. То есть тоже все подарки, призы – это всё только за их счёт, из бюджета поселения, ну, максимум, что мы благодарственные письма, рамочки, которые мы вручаем...».*

В станице Медведовской также участники фокус-групп отмечали инициативность фермеров и предпринимателей и их помощь в развитие инфраструктурных проектов: *«Так как я являюсь директором дома культуры, большого дома культуры: большой зал на 730 мест, к сожалению, нет отопления, но у нас есть проектно-сметная документация и положительное заключение госэкспертизы на ремонт. Вот, фермеры, совет фермеров – вот именно они первыми внесли свою инициативу построить внутри тёплый санузел. Вот буквально вот сегодня он закончится и завтра возможно открытие. Много – не мало, получилось по таким меркам 173 000. То есть, это помощь? Помощь. Не мы их умоляли это сделать, а именно они первыми вызвались. Детей очень много принимают участие, в 21 веке и нету санузла, тёплого. Вот совет фермеров принимает участие».*

Среди всех рассматриваемых сельских поселений, в которых чётко просматривалась перспективная или ретроспективная темпоральная ориентация, в х. Беднягина сложился особый, гибридный тип. С одной стороны, существует стратегический план развития территории *«(Ну парк у нас будет, красивый шикарный парк... Проект есть, смета есть, но опять же каждый раз, сейчас опять один нюанс, но я думаю – пробьёмся... Дорожки, скамейки, детская площадка комплекс и уличные тренажеры. Ну и, конечно же, освещение),* однако при этом ощущается тоска по счастливому, благополучному прошлому *(Хочется немножко в детство, как вот, с одной стороны, да, посмотришь – в детстве и фонтанчик у нас был, и качельки у нас были, у нас вот в центре есть, Светлана Викторовна покажет, в нашем детстве были лодочки, в субботу – воскресенье было открыто, работал дядя Вася, пять рублей платили, пять минут катаемся на качели-то, лодочки большие, четыре штучки были и каруселька)».*

Объекты социальной инфраструктуры также могут выступать в качестве доминантных маркеров символической политики. В станице Медведовской такими объектами являются детский дом, интернат и дом культуры: *«У нас из-за того, что большая станица, есть и психоневрологический интернат. Это тоже большое внимание», «Наверное, наш детский дом в ст. Медведовской его знают не только в крае, а вообще по России знают», «Из 9 поселений в районе, ни одно поселение не имеет два дома культуры, плюсом ещё у нас ещё 2 хутора и на каждом хуторе, такие, сельские клубы».*

Любопытным является кейс станицы Октябрьской, в которой доминантным маркером символической политики является экономическая специализация, а именно причастность местного населения к разведению и продаже саженцев: *«Принципиальное отличие, наверное, всё-таки наши октябрьские саженцы. Они известны не только по району, но и по всему краю. Потому что в каждый двор можно зайти, и там будут розы, декоративные растения. И такой перечень, что мы и сами не знаем, что это такое у соседей. Ходим и спрашиваем».*

Краснодарский край – уникальная территория с точки зрения природно-климатических и географических условий. Это находит отражение в маркерах символической политики. Жители станицы Голубицкая отмечали туристические и аграрные особенности местности: *«Поскольку Таманский полуостров – это развитие агрария, виноделия и туризма, то это конечно наша природа;*

Я думаю, панораму самой станицы, всю зелень, что она утопает в садах и плюс, конечно, грязевой вулкан, озеро;

Я виноградники показываю, когда гости приезжают».

В станице Куринской жители отмечали места паломничества: *«...у нас паломников очень много приезжает. На автобусах;*

Мы со школой имеем хорошую связь, даже администрация выходит, эко-поход. Спортивная форма, рюкзаки, и пошли мы "на Илью";

По одному маршруту туда, по другому – обратно. Собираем мусор по дороге. Мы называем это экопоход. И сами умылись и мусор собрали».

Выводы

Символическая политика на локальном уровне является институциональным механизмом политики идентичности. Наличие у членов местного сообщества локальной идентичности становится важным критерием оценки развития территории. Заинтересованные в подобном развитии субъекты политики идентичности, прежде всего органы местного самоуправления, зачастую становятся главными акторами в процессе формирования локальной идентичности местных сообществ.

Результаты эмпирического исследования показали, что сельские поселения демонстрируют модели символической политики, основанные на актуализации различных маркеров символической политики с учётом субъектной вовлечённости разных категорий жителей, темпоральной ориентации и характеру формализации. Представленную в исследовании матрицу можно использовать для оценки потенциала символических ресурсов локальных территорий. Результаты проведённого нами исследования демонстрируют многообразие ресурсов символической политики как части политики идентичности на локальном уровне, а также возможности интеграции символических средств и технологий в институциональную политику местных властей.

Список литературы

1. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 562 с.
2. Воронов, В. В. Социально-территориальные общности малых городов: экспертное измерение акторов развития / В. В. Воронов // Малые города в социальном пространстве России. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2019. – С. 49–65.
3. Гельман, В. Стратегии региональной идентичности и роль политических элит (на примере Новгородской области) / В. Гельман // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть : сб. ст. – Москва : ИНИОН РАН, 2002. – С. 30–51.
4. Гордеева, Т. Н. Политическая активность в муниципальных образованиях как фактор локальной идентичности / Т. Н. Гордеева // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4-2. – С. 236–240.
5. Дранникова, Н. В. Локальная идентификация и самоидентификация жителей севернорусских городов Архангельска и Северодвинска (по фольклорно-этнографическим данным) / Н. В. Дранникова // Studia Rossica Pospnaniensia. – 2016. – Т. 41. – С. 57–69.
6. Евстифеев, Р. В. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления / Р. Ф. Евстифеев // Научный результат. Социология и управление. – 2017. – № 2 (12). – С. 3–9.
7. Еремина, Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа / Е. В. Ерёмина // Регинология. – 2011. – № 3 (76). – С. 216–222.
8. Локальная идентичность как новая экономика. Наследие. Проект Россия. – URL: <https://prorus.ru/interviews/lokalnaya-identichnost-kak-novaya-ehkonomika-nasledie/> (дата обращения: 16.08.2021).
9. Малинова, О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля / О. Ю. Малинова // Символическая политика. – 2012. – № 1. – С. 5–15.
10. Малинова, О. Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России / О. Ю. Малинова. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2013. – 421 с.
11. Миронцева, С. А. Формирование региональной идентичности молодёжи в культурно-образовательной среде Краснодарского края: монография / С. А. Миронцева, О. А. Бориско, И. С. Башмаков. – Краснодар : Перспективы образования, 2019. – 212 с.
12. Мирошниченко, И. В. Политика развития сельских территорий / И. В. Мирошниченко // VIII Столыпинские чтения. Фундаментальные и прикладные исследования интеграционных и дезинтеграционных процессов в политической, экономической и социокультурной сферах : мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 19–24.
13. Морозова, Е. В. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко, И. С. Семенов // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 56–77. – DOI: 10.17976/jpps/2020.03.05.
14. Морозова, Е. В. Сельская идентичность: политический ракурс / Е. В. Морозова // Политика развития, государство и мировой порядок : мат-лы VIII Всерос. конгресса политологов (Москва, 6–8 декабря 2018 г.). – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 359 с.
15. Назукина, М. В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России / М. В. Назукина // Регинология. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 698–717.
16. Недосека, Е. В. Локальная идентичность населения моногорода (на примере г. Сокола) / Е. В. Недосека // Проблемы развития территории. – 2020. – № 1. – С. 109–123. – DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.8.
17. Овчинникова, Л. В. Особенности и механизмы локальной идентификации городских и сельских студентов / Л. В. Овчинникова // Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики. – Екатеринбург : Уральский федер. ун-т, 2012. – С. 319–323.
18. Панов, П. В. Локальная политика в разных измерениях / П. В. Панов // Политическая наука. – 2008. – № 3. – С. 9–31.
19. Пешкова, В. М. Проблемы и перспективы развития малого российского города глазами представителей местных сообществ // Малые города в социальном пространстве России / В. М. Пешкова. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2019. – С. 377–412.

20. Поцелуев, С. П. Символическая политика: Конstellляция понятий для подхода к проблеме / С. П. Поцелуев // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62–76.
21. Радина, Н. К. Город в пространстве и времени. Проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений / Н. К. Радина. – Нижний Новгород : Деком, 2015. – 344 с.
22. Сагитова, Л. В. Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы / Л. В. Сагитова. – Казань : Ин-т истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан, 2018. – 360 с.
23. Самаркина, И. В. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) / И. В. Самаркина, И. С. Башмаков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 159–171. – DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-159-171.
24. Семенов, И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности / И. С. Семенов // ПОЛИТЭКС. – 2011. – № 7. – С. 5–24.
25. Семенов, И. С. Сельское местное сообщество в фокусе политики развития: научный дискурс и европейские политические реалии / И. С. Семенов // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – № 3. – С. 6–27. – DOI: 10.31429/26190567-20-3-6-27.
26. Экспертное исследование Российские региональные столицы: развитие, основанное на культуре. Благотворительный фонд Владимира Потанина. – URL: <https://www.fondpotanin.ru/library/analytics/ekspertnoe-issledovanie-rossiyskie-regionalnye-stolitsy-razvitiye-osnovannoe-na-kulture/> (дата обращения: 16.08.2021).
27. Berger, P. L. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge / P. Berger, T. Luckmann. – New York : Penguin Books, 1966. – 249 p.
28. Blumer, H. Symbolic interactionism: Perspective and method / H. Blumer. – Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1969. – 208 p.
29. Cooley, C. Human Nature and the Social Order / C. Cooley. – New York : Charles Scribner's Sons, 1922. – 413 p.
30. Mead, H. Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist / H. Mead. – Chicago : University of Chicago Press, 1934. – 401 p.
31. Huntington, S. Who are we – the challengers to America's National identity / S. Huntington. – New Delhi : Penguin Books India, 2004. – 448 p.
32. Castels, M. The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castels. – Cambridge, MA; Oxford, UK : Blackwell, 2004. – 585 p.
33. Fukuyama, F. Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment / Fukuyama F. – London : Profile Books, 2018. – 240 p.

References

1. Burdie, P. *Prakticheskiy smysl* [The Logic of Practice]. St. Petersburg: Aletyya Publ. house; 2001, 562 p.
2. Voronov, V. V. Sotsialno-territorialnye obshchnosti malyykh gorodov: ekspertnoe izmerenie aktorov razvitiya [Socio-territorial communities of small towns: expert measurement of development actors]. *Malye goroda v sotsialnom prostranstve Rossii* [Small towns in the social space of Russia]. Moscow: FNIS RAS Publ. house; 2019, pp. 49–65.
3. Gelman, V. Strategii regionalnoy identichnosti i rol politicheskikh elit (na primere Novgorodskoy oblasti) [Strategies of regional identity and the role of political elites (on the example of the Novgorod region)]. *Regionalnye protsessy v sovremennoy Rossii: ekonomika, politika, vlast* [Regional processes in modern Russia: economy, politics, power]. Moscow: INION RAS 2002, pp. 30–51.
4. Gordeeva, T. N. Politicheskaya aktivnost v munitsipalnykh obrazovaniyakh kak faktor lokalnoy identichnosti [Political activity as a factor of local identity in the municipalities]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University]. 2012, no. 4–2, pp. 236–240.
5. Drannikova, N. V. Lokalnaya identifikatsiya i samoidentifikatsiya zhiteley severorusskikh gorodov Arkhangel'ska i Severodvinsk (po folkloro-etnograficheskim dannym) [Local identification and self-identification of citizens of the northern Russian cities of Arkhangelsk and Severodvinsk (based on folklore-ethnographic studies)]. *Studia Rossica Posnaniensia*. 2016, vol. 41, pp. 57–69.
6. Evstifeev, R. V. Issledovaniya lokalnykh identichnostey: teoreticheskie podhody i perspektivnye napravleniya [Research of local identities: theoretical approaches and perspective directions]. *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie* [Research result. Sociology and management]. 2017, no. 2, pp. 3–9.
7. Eremina, E. V. Regionalnaya identichnost v kontekste sotsiologicheskogo analiza [Regional identity in the context of sociological analysis]. *Regionologiya* [Regional Studies]. 2011, no. 3, pp. 216–222.
8. Lokalnaya identichnost kak novaya ekonomika. Nasledie [Local identity as a new economy. Heritage]. *Proekt Rossiya* [Project Russia]. Available at: <https://prorus.ru/interviews/lokalnaya-identichnost-kak-novaya-ekonomika-nasledie/> (accessed: 16.08.2021).
9. Malinova, O. Yu. Simvolicheskaya politika: kontury problemnogo polya [Symbolic politics: contours of the problem field]. *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. 2012, no. 1, pp. 5–15.
10. Malinova, O. Yu. *Konstruirovaniye smyslov: issledovaniye simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii* [Construction of meanings: a study of symbolic politics in modern Russia]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS Publ. house; 2013, 421 p.
11. Mironceva, S. A., Borisko, O. A., Bashmakov, I. S. *Formirovaniye regionalnoy identichnosti molodezhi v kulturno-obrazovatel'noy srede Krasnodarskogo kraya* [Formation of the regional identity of youth in the cultural and educational environment of the Krasnodar Territory]. Krasnodar, Prospects for education Publ. house; 2019, 212 p.
12. Miroshnichenko, I. V. Politika razvitiya selskikh territoriy [Politics for the development of rural areas]. *VIII Stolypinskie chteniya. Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya integratsionnykh i dezintegratsionnykh protsessov v politicheskoy, ekonomicheskoy i sotsiokulturnoy sferakh* [VIII Stolypin Readings. Fundamental and applied research of integration and disintegration processes in the political, economic and socio-cultural spheres]. Krasnodar: Kuban State University Publ. house; 2019, pp. 19–24.

13. Morozova, E. V., Miroshnichenko, I. V., Semenenko, I. S. Razvitiye sel'skikh mestnykh soobshchestv: potencial politiki identichnosti [Identity Policies in Rural Local Community Development in Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 2020, no 3, pp. 56–77. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.05.
14. Morozova, E. V. Selskaya identichnost: politicheskiy rakurs [Rural identity: political perspective]. *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoy poryadok* [Development policy, state and world order]. Moscow: Aspekt Press; 2018, 359 p.
15. Nazukina, M. V. Markery etnichnosti v regionalnoy identichnosti respublik Rossii [Markers of Ethnicity in the Regional Identity of Russia's Republics]. *Regionologiya* [Regionology]. 2018, no. 4, pp. 698–717.
16. Nedoseka, E. V. Lokalnaya identichnost naseleniya monogoroda (na primere g. Sokola) [Local identity of single-industry towns' population (case study of the town of Sokol)]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development]. 2020, no. 1, pp. 109–123. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.8.
17. Ovchinnikova, L. V. Osobnosti i mekhanizmy lokalnoy identifikatsii gorodskikh i selskikh studentov [Features and mechanisms of local identification of urban and rural students]. *Studenchestvo nachala XXI veka: tsennostnye orientatsii i povsednevnye praktiki* [Students at the beginning of the XXI century: value orientations and everyday practices]. Ekaterinburg: Ural Federal University Publ. house; 2012, pp. 319–323.
18. Panov, P. V. Lokalnaya politika v raznykh izmereniyakh [Local politics in different dimensions]. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. 2008, no. 3, pp. 9–31.
19. Peshkova, V. M. et al. Problemy i perspektivy razvitiya malogo rossiyskogo goroda glazami predstaviteley mestnykh soobshchestv [Problems and prospects for the development of a small Russian city through the eyes of representatives of local communities]. *Malye goroda v sotsialnom prostranstve Rossii* [Small cities in the social space of Russia]. Moscow, FNIS RAS Publ. house; 2019, pp. 377–412.
20. Potseluev, S. P. Simvolicheskaya politika: Konstellyatsiya ponyatiy dlya podkhoda k probleme [Symbolical politics: a constellation of concepts for an approach to the problem]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 1999, no. 5, pp. 62–76.
21. Radina, N. K. Gorod v prostranstve i vremeni. Problemy territorialnoy identichnosti v kontekste sotsialno-ekonomicheskikh izmeneniy [City in space and time. Problems of territorial identity in the context of socio-economic changes]. Nizhny Novgorod: Dekom Publ. house; 2015, 344 p.
22. Sagitova, L. V. Respublika Tatarstan: politika identichnosti i ee aktory [Republic of Tatarstan: identity politics and its actors]. Kazan: Shigabutdin Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ. house; 2018, 360 p.
23. Samarkina, I. V. Lokalnaya identichnost gorodskoy molodezhi: osnovnye komponenty i mesto v sisteme sotsialnykh identichnostey (na materialah empiricheskogo issledovaniya gorodskoy molodezhi Krasnodarskogo kraya) [key identity features of urban youth: the case of Krasnodar krai]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Politologiya"* [RUDN journal of political science. Series "Politology"]. 2021, no. 1, pp. 159–171. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-159-171.
24. Semenenko, I. S. Politicheskaya identichnost v kontekste politiki identichnosti [Political identity and identity politics]. *POLITEKS* [Political Expertise: Politex]. 2011, no. 7, pp. 5–24.
25. Semenenko, I. S. Selskoe mestnoe soobshchestvo v fokuse politiki razvitiya: nauchnyy diskurs i evropeyskie politicheskie realii [The Rural Local Community in Development Policies in Europe: Discourse and Agency]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences]. 2019, no. 3, pp. 6–27. DOI: 10.31429/26190567-20-3-6-27.
26. Ekspertnoe issledovanie Rossijskie regionalnye stolitsy: razvitiye, osnovannoe na kulture [Expert study Russian regional capitals: development based on culture]. Available at: <https://www.fondpotanin.ru/library/analytics/ekspertnoe-issledovanie-rossiyskie-regionalnye-stolitsy-razvitiye-osnovannoe-na-kulture/> (Accessed: 16.08.2021).
27. Berger, P. L., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*. New York: Penguin Books; 1966. 249 p.
28. Blumer, H. *Symbolic interactionism: Perspective and method*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1969, 208 p.
29. Cooley, C. *Human Nature and the Social Order*. New York: Charles Scribner's Sons; 1922, 413 p.
30. Mead, H. *Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago: University of Chicago Press; 1934, 401 p.
31. Huntington, S. *Who are we – the challengers to America's National identity*. New Delhi: Penguin Books India; 2004, 448 p.
32. Castels, M. *The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture*. Cambridge, MA ; Oxford, UK: Blackwell; 2004, 585 p.
33. Fukuyama, F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. London: Profile Books; 2018, 240 p.

Информация об авторе

Русия Н. Т. – аспирант.

Information about the author

Rusiya N. T. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 26.01.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 26.01.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 28.03.2022.